

Но скажи мне, у твоего дара случайно нет еще одной способности — видеть, какие задания выполняют Исполнители?

— Нет, я не вижу. Я просто случайно узнал, что он собирается сделать, — Яо Ухуань не стал вдаваться в подробности того, откуда ему всё это известно, а сразу перешел к планам Учителя Ли: — Каким-то образом он прознал, что мы с тобой будем похищены, и теперь хочет подстроить всё так, чтобы его похитили вместе с нами. А затем он героически спасет тебя, и тогда ты запомнишь его на всю жизнь.

— Чего? — Просто чтобы я запомнил его?

Яо Ухуань решил выразиться еще прямее, хотя почему-то при этом слегка скрежетал зубами:

— Он считает, что так ты сможешь в него влюбиться.

— ...Этот Учитель Ли случаем не дурак?

А Лу Цзяньян-то поначалу гадал, какая же невероятная страшная тайна скрывается за поступками Учителя Ли. Лу Цзяньян был страшно разочарован и совершенно лишен слов: способов заставить человека запомнить себя на всю жизнь существовало множество, так почему нужно было выбирать именно такое «самопожертвование», которое заставило бы другую сторону всю жизнь нести груз чувства вины?

Не говоря уже о том, что по нормальному историческому сценарию Лу Цзяньян и Яо Ухуань благополучно избежали бы настоящего похищения. Учитель Ли же непременно хотел раздуть грандиозную драму, чуть ли не насильно затаскивая их в эту историю.

Мало того, Учитель Ли собирался самым жутчайшим образом погибнуть прямо на глазах у Лу Цзяньяня...

...И за что такая жгучая ненависть?

Лу Цзяньян больше не мог сдерживаться и высказал всё, что думает, прямо в лицо Яо Ухуаню:

— Он вообще подумал о том, что я всего лишь ребенок, который ходит в детский сад?

Спроси себя: если бы у Лу Цзяньяня не было воспоминаний взрослого человека, какую глубокую психологическую травму это бы ему нанесло?

— Не знаю. Но по-моему, только круглый идиот может додуматься до столь гениальной идеи. Если бы ты по неосторожности погиб во время похищения, о каком воспоминании вообще шла бы речь? — Яо Ухуань вдруг улыбнулся как-то слегка по-психопатически, и в его серебристо-

дымчатых глазах промелькнул невыразимый холод. — Впрочем, кто знает? Может быть, его истинной целью было именно прикончить тебя.

Лу Цзяньнянь остолбенел. Прикончить меня? Зачем? Какая от этого может быть выгода?

— Хочешь отомстить? — голос Яо Ухуаня звучал словно зов сирены, поднявшейся со дна океана, — в нем сквозили пронзительный холод и искушение.

Лу Цзяньнянь встретился взглядом с Яо Ухуанем, ошеломленно замер и долго молчал. Наконец он опустил голову и принялся тереть пальцами складки на штанах — сожмет, отпустит, снова сожмет и отпустит, повторяя это движение до тех пор, пока пижамные брюки не превратились в жалкое зрелище. Пережив бурю внутренних терзаний, Лу Цзяньнянь наконец вымолвил:

— Пожалуй, не надо.

Яо Ухуань ничего не ответил, но во взгляде читалось полное несогласие с подобным выбором.

— Не надо, — Лу Цзяньнянь поднял голову и снова твердо повторил свои слова, обращаясь неизвестно к кому. — Я просто хочу, чтобы они убрались из моей жизни. И желательно перестали калечить чужие судьбы за спиной у ничего не подозревающих людей. Хотя, если всё происходит по обоюдному согласию, тогда желаю им счастья.

Месть не входила в планы Лу Цзяньняня, да он и не считал, что большинство Исполнителей совершили что-то настолько ужасное, из-за чего стоило ввязываться с ними в бесконечную войну. Он лишь хотел, чтобы они оставили его в покое и поняли: это не игра. Получил задание — выполняй как положено, не стоит использовать других людей в качестве ключа для прохождения уровней. Взаимное уважение — всё предельно просто.

— Какое совпадение, я тоже, — Яо Ухуань убрал из глаз мимолетное выражение эмоций. Настроение его переменялось мгновенно, и на губах вновь заиграла та самая раздражающая улыбка, по которой невозможно было понять его истинные намерения. — Знаешь, как я получил способность Исполнителей? Если согласишься сотрудничать со мной, я могу научить тебя.

Лу Цзяньнянь нахмурился. К способностям, позволяющим манипулировать людскими душами, он не испытывал ни малейшего интереса, однако не мог не признать: некоторые из них были весьма полезны.

— Никакой опасности, — искренне произнес Яо Ухуань, слегка подавшись вперед. Он усилил незримое давление, не оставляя Лу Цзяньняню времени на раздумья и фактически направляя ход его мысли: — Позволь мне помочь тебе. Чтобы справиться с необычными людьми, требуется необычная сила, только так можно вежливо попросить их катиться на все четыре стороны.

На месте Лу Цзяньняня кто угодно другой уже давно бы последовал за Яо Ухуанем.

Но Лу Цзяньнянь быстро взял себя в руки и выдал ответ, который оставался неизменным:

— Я подумаю.

Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и так называемая взаимопомощь, о которой говорил Яо Ухуань, настойчиво подсказывала Лу Цзяньняню: цена, которую придется заплатить, окажется вовсе не такой легкой. Повзрослевший Яо Ухуань напоминал отточенное орудие убийства, в каждом движении которого сквозило неприкрытое зло. Только теперь Лу Цзяньнянь понял: малкавианское безумие никуда не исчезло во взрослом Яо Ухуане, оно лишь стало более глубоким и темным — подобно бездонному океану, скрывающему опасности на каждой сажени глубины.

Через что же он прошел за эти годы? Как мог превратиться из маленького Яо Сяохуаня в то, что стояло перед ним сейчас?

Яо Ухуань сплел пальцы в замок. Хотя терпением он явно не отличался, тем не менее постарался изобразить готовность ждать — по крайней мере, в этот момент его настрой на сотрудничество выглядел вполне искренним.

Лу Цзяньнянь не удержался и добавил:

— Если я соглашусь сотрудничать... то есть, предположим, если я дам согласие, как именно ты pomoжешь мне обрести эту способность?

Яо Ухуань улыбнулся. За холодным блеском его глаз угадывалась непреклонная уверенность в победе. Пусть Лу Цзяньнянь пока лишь сделал предположение, сам факт того, что он завел об этом речь, означал — зерно упало на благодатную почву. Яо Ухуань и не надеялся сломить сопротивление Лу Цзяньняня так легко: тот с малых лет привык жить по правилам и подчиняться принципам.

Он не возражал дать мальчику небольшую передышку, а затем продолжить наступление:

— Собственноручно прикончив Исполнителя, ты сможешь забрать его способность.

— И всё? — Лу Цзяньнянь замер. Он был абсолютно уверен в том, что Исполнители не умирают на самом деле, поскольку совсем недавно пережил крайне неприятный опыт общения с одним из них, и тот на прощание горланил, что еще вернется. Как утверждала Система, после смерти Исполнители отправляются выполнять задания в другой мир, а накопив достаточно очков, могут отправиться куда пожелают.

Именно поэтому для Лу Цзяньняня, оказавшегося в эпицентре событий и узнавшего о

существовании этих людей, Исполнители всё больше походили на персонажей компьютерной игры — NPC, да и сами они относились к мирам системы быстрого перемещения точно так же.

Но так быть не должно. По крайней мере, Лу Цзяньян то и дело напоминал себе: ты — живой человек из плоти и крови, со своими чувствами, и другие тоже живые, включая самих Исполнителей.

— Конечно, перед смертью им нужно будет устроить небольшую церемонию, — Яо Ухуаня вполне устраивало хладнокровие Лу Цзяньяня. Скажи тот хоть слово о том, что убивать нельзя, и Яо Ухуань, пожалуй, сорвался бы с катушек.

К счастью, Лу Цзяньян до этого не опустился: он обладал добрым сердцем, но знал всему меру. Такой дисциплинированный Лу Цзяньян казался невероятно притягательным — по крайней мере, для самого Яо Ухуаня.

Что же представляла собой эта «небольшая церемония» для получения способности, выяснить удастся, разумеется, только после заключения сделки.

Лу Цзяньян несколько раз открывал рот, но в конце концов произнес:

— Мне нужно время подумать.

— Хорошо, — Яо Ухуань не собирался давить слишком сильно. — Завтра вечером я снова приду.

— ...Ты что, возомнил себя героем сказки Тысяча и одна ночь? — не выдержал Лу Цзяньян.

— Ради твоего согласия можно и попробовать, — губы Яо Ухуаня тронула усмешка. — Я очень хочу работать с тобой. Только не заставляй меня ждать слишком долго, ладно?

До самого этого момента перевес оставался на стороне Яо Ухуаня: он владел большей информацией, обладал козырями, о которых Лу Цзяньян не подозревал, и ему оставалось лишь дождаться, пока тот кивнет.

Однако Лу Цзяньян вдруг спросил:

— Твои дневные и ночные воспоминания... они ведь на самом деле влияют друг на друга, да?

Яо Ухуань, уже собиравшийся эффектно завершить разговор, невольно замер и чуть не свалился со стула. Хотя он попытался исправить положение с молниеносной быстротой, Лу Цзяньян успел заметить неладное. Изначально это было лишь предположением, но теперь он наконец мог в нем убедиться.

Не дожидаясь объяснений со стороны Яо Ухуаня, Лу Цзяньян продолжил:

— Дневные перемены в тебе — результат влияния твоего ночного «я».

Именно в этом заключалась истинная причина того, почему Яо Ухуань так сильно отличался от себя самого в прежней временной линии.

В конце концов, Яо Ухуань оставался одним человеком, а не страдальцем с расстройством множественной личности. Просто в силу неких законов они делили общие воспоминания — вот только ночной Яо Ухуань не мог принимать решения насчет дневных поступков, а дневной малыш Яо не был способен помешать тому, что творил ночью его старший двойник.

— Мне на самом деле любопытно: каково это — наблюдать со стороны, как ты дурачишься и танцуешь танец кролика, при этом будучи не в силах хоть что-то изменить?

Яо Ухуань одарил Лу Цзяньяня мертвым взглядом.

Но Лу Цзяньян это уже не пугало. То ли из-за перемены в душевном настрое, то ли по какой-то иной причине, но, глядя на Яо Ухуаня, который при всей своей грозной ауре выглядел сущим пупсом, он вдруг подумал: что бы тот ни делал, это выглядит невероятно умиротворительно против воли. Властный малыш =V= Взгляд его исподлобья был не столько грозным, сколько выражал вселенскую скорбь человека, чья маска только что рухнула.

По аналогии можно было расшифровать и остальное: молчание означало напряжение, ехидство — растерянность, а каменное лицо — банальное зависание системы.

Лу Цзяньян, сам обладавший схожими проблемами с мимикой, прекрасно это понимал: когда весь мир думал, что он сердится, на самом деле в его голове просто гулял ветер. И он поспешил успокоить гостя:

— Иди домой и успокойся. Я не считаю тебя Исполнителем и не думаю, что у тебя на уме какие-то злые умыслы. Не нужно так напрягаться.

Даже после ухода Яо Ухуаня прекрасное настроение Лу Цзяньяня не испортилось.

Затем он углубился в размышления еще над одним вопросом: каким же образом ночной Яо Ухуань умудряется воздействовать на дневного малыша Яо, чтобы тот во что бы то ни стало пытался прилипнуть к нему банным листом?

— ...Черт, нет-нет-нет, определенно не в ту сторону мыслит моя фантазия!

Подобные догадки испугали Лу Цзяньяня настолько, что он снова потерял сон. Когда на

следующее утро лучи солнца озарили дом семьи Лу, Лу Цзяньнянь наконец сполна расплатился за две бессонные ночи подряд: ощущение противоречия, когда мозг вроде бы бодрствует, но каждая клеточка тела вопит об усталости, погрузило его в состояние нереальности. Мысли путались, и сосредоточиться не удавалось ни на чем.

В результате, когда они вместе с Яо Сяохуанем пришли в детский сад и на уроке настало время демонстрировать свои поделки, Лу Цзяньнянь столкнулся с фатальной проблемой.

— Послушай, эта блестящая штука... это что, настоящее золото?!!!

— Угу, дядя подарил папе, — Яо Сяохуань кивнул с абсолютно невозмутимым видом, выпятив грудь колесом и страшно гордясь собой. — Жаль только, не белая, на звездочки не очень похоже.

Прежде чем Лу Цзяньнянь успел высказать хоть какие-то соображения, он понял, что так называемые «симпатичные стеклянные шарики» Яо Сяохуаня подозрительно смахивают на настоящие драгоценные камни. Если быть точным, это были опалы — причем чистейшие природные благородные опалы темных оттенков, розничная цена которых исчислялась шестизначными цифрами за карат.

— В гардеробной у мамы на автоматической стойке таких полно, — с энтузиазмом продолжал делиться с другом Яо Сяохуань.

Лу Цзяньнянь понял, что и Яо Дахуань, и Яо Сяохуань обладали удивительной способностью оставлять его в полном оцепенении. Вы притащили эти вещи в качестве поделки для детского сада — ваши папа с мамой вообще в курсе?!

Родители Яо, разумеется, были в курсе. Утром мама Яо и мама Лу вместе привели детей в детский сад, и мама Яо прекрасно знала, из чего состоят «поделки», которые ее сын прижимал к груди, и какова их реальная стоимость — она любовалась ими вместе с мужем еще вчера вечером. А поскольку Яо Сяохуань настоял на том, чтобы сделать всё своими руками, родители с чистой совестью покривили душой, нахваливая окончательный результат.

Мысль Лу Цзяньняня по поводу поступков Яо Сяохуаня свелась к искреннему вопросу: как тебя до сих пор не прибили собственные родители?!

Яо Сяохуань с ожиданием посмотрел на Лу Цзяньняня:

— Я ведь молодец, да?!

— Да уж, просто гений, — отмахнулся Лу Цзяньнянь.

Яо Сяохуань продолжал с надеждой заглядывать ему в глаза, примостившись у парты.

Лу Цзяньян не понимал намеков и уставился на него в растерянности:

— М?

Яо Сяохуань:

— Тогда почему ты до сих пор меня не поцеловал?

Лу Цзяньян:

— ...

Вплоть до второй недели Учитель Ли так и не появился в саду. Его ребенок, Ли Сян, в один прекрасный день тоже внезапно исчез, словно их никогда и не существовало — будто стерли какого-то персонажа с картины, и никто больше о них не помнил.

Раньше Лу Цзяньяню уже доводилось сталкиваться с подобным, так что, пусть он и не понимал механизмов работы системы, паники это у него не вызывало.

К соглашению о сотрудничестве с Яо Ухуанем он так и не пришел. Сам он не мог толком объяснить почему — срабатывало нечто вроде шестого чувства, подсказывавшего, что Яо У-Да-Хуань гораздо опаснее, чем кажется на первый взгляд. Несоизмеримо опаснее.

Временное терпение Яо Ухуаня тоже еще не иссякло, поэтому дни текли своим чередом: они вместе ходили в детский сад днем и тайком виделись по ночам.

В ходе столь частых встреч Лу Цзяньяню удалось разрешить еще одну загадку: как именно Яо Ухуаню удавалось незаметно пробираться в поместье семьи Лу?

Ответ: разумеется, ему кто-то помогал.

Каким бы могущественным ни был Яо Ухуань, в шесть лет его ручки и ножки оставались короткими, а сам он был ниже Лу Цзяньяня — повергнуть мир в хаос он бы не смог. Да и семья Лу не была проходным двором, куда любой желающий мог свободно войти и выйти по секретному коридору. Если бы чужой ребенок мог так легко разгуливать по их территории раз за разом, служба безопасности клана Лу могла бы дружно подать в отставку.

Яо Ухуань полагался главным образом на профессионалов со стороны клана Яо, а еще... на попустительство родителей с обеих сторон.

По правде говоря, то, что родители Яо из-за болезни сына баловали его до безумия, еще можно

было понять. Но папа и мама Лу? Вы шутите? Лу Цзяньян чувствовал себя глубоко травмированным. Если участие отца еще как-то укладывалось в голове, то представить в этом заговорщицкую компанию маму Лу было совершенно невозможно. Как сын, выросший под суровой родительской любовью матери, Лу Цзяньян с легким мазохистским оттенком должен был признать: здесь явно кроется какой-то подвох!

И правда кромился?

Еще как!

С тех пор как директора детского сада вызвал в школу маму Лу на беседу, та стала проявлять повышенное внимание к каждому шагу старшего сына, с трепетом анализируя любое его слово и даже выражение лица, стараясь изо всех сил угодить ему без всяких оговорок, а заодно беспрестанно копаясь в себе: а не была ли она слишком сурова?

А началось всё с причины того самого визита к директору.

Директор показал маме Лу видеозапись «самоистязания» Лу Цзяньяня — ту самую, где он сразу после перерождения из всех сил ущипнул себя, чтобы проверить реальность происходящего.

Как уже упоминалось, детский сад Монтессори был утыкан камерами видеонаблюдения от пола до потолка, и спальни не являлись исключением (камер не было только в ваннах и раздевалках, да и то объективы смотрели на самые двери). Чуткая и ответственная воспитательница дневного сна обратила внимание на странное поведение Лу Цзяньяня и, когда директор просматривал запись драки Лоу Дэняня, вскользь упомянула об этом случае, после чего они вместе изучили фрагмент.

Взрослым такое поведение казалось вовсе не единичным инцидентом.

— В саду Яньян ведет себя совершенно нормально, перед этим мы специально просмотрели записи за последние дни, никаких отклонений не было. Если нужно, мы можем сделать для вас копию. Но мы уверены, что это не сонная реакция спросонья — подобное не происходит единожды. Будь это случайным порывом, он не действовал бы столь уверенно и целенаправленно, к тому же именно в тот момент, когда воспитатель вышел. Я позвала вас, чтобы выяснить, нет ли у Яньяня каких-то странностей дома.

Хотя директор выразился непрямо, у мамы Лу в голове зародились ровно те же подозрения: у Лу Цзяньяня наблюдались склонности к аутоагрессии.

Она тщательно перерыла все уголки своей памяти, но в конце концов покачала головой:

— Дома Яньян ничем не отличается от обычного себя — по крайней мере, в те моменты, когда

я это вижу.

— А не происходило ли каких-то изменений в кругу его общения или в семье? Например, ссоры с друзьями или семейные неурядицы?

Мама Лу нахмурилась, явно зацепившись за какую-то мысль. Если в последнее время в их семье и случилось нечто из ряда вон выходящее, так это рождение общего ребенка с мужем.

— Эта история учит нас одному: никогда нельзя недооценивать то, к каким последствиям может привести даже самая незначительная деталь. Узнай Лу Цзяньянь, что из-за его привычки щипать себя в первые дни после перерождения мать переживает едва ли не до нервного срыва, он бы наверняка почувствовал себя виноватым. К сожалению, он об этом не знал.

Мама Лу ужасно переживала из-за «склонности сына к самоповреждению», но больше всего ее страшило другое: а вдруг подобные выходки вызваны появлением в доме младшего брата Лу?

По идее, для ребенка из семьи, где уже подрастает старшая сестра, появление младшего брата не должно было стать столь уж болезненным ударом. Но...

Ситуация в семье Лу была довольно специфической. По сути, это была смешанная семья: до встречи друг с другом у отца и матери Лу уже за плечами имелся неудачный опыт брака. Прошлый опыт помог им быстрее понять боль друг друга и заложил основу для глубоких чувств. Однако, какими бы гармоничными ни были их вторые браки, избежать проблем, неизбежно сопутствующих объединению семей, они не могли.

Взять хотя бы то, что сестра Лу не была родной дочерью мамы Лу — вот почему между ними не было абсолютно никакого внешнего сходства; с чего бы ему там взяться?

Сестра Лу прекрасно знала об этом. По сравнению со своей биологической матерью, которая пичкала ее снотворным лишь бы девочка не плакала, она, разумеется, гораздо больше любила маму Лу, для которой всё крутилось вокруг нее. И мама Лу, помня о пережитом девочкой в прошлом, невольно стремилась исполнять любые ее капризы.

Лу Цзяньянь тоже прекрасно это понимал, поскольку никто в семье и не думал скрывать подобные факты. Сестра Лу сама завела об этом разговор — в свои школьные годы она уже насмотрелась по телевизору всяких мыльных опер и вывела для себя золотое правило: какие бы драматичные конфликты и нелепые недоразумения ни возникали, в конечном счете всё сводится к тому, что люди просто не умеют нормально разговаривать друг с другом. Предпочитают молчать и скрывать правду, пока не рванет бомба покрупнее.

Сама сестра Лу ни капли не стремилась примерять на себя роль героини подобных мелодрам, а мама Лу и папа Лу, разумеется, уважали любые ее решения.

Тем не менее, субъективно Лу Цзяньяннь редко испытывал угрозу своей позиции со стороны старшей сестры — даже несмотря на то, что мать прямо предупредила сына: если сестра Лу проявит себя с лучшей стороны и заслужив признание большинства членов совета директоров и семьи Лу из Хэнея, она станет бесспорной наследницей.

В семье Лу превыше всего ценились способности, а не кровные узы. И мама Лу проголосовала за это правило обеими руками.

На самом деле Лу Цзяньяннь всегда чувствовал, что мама Лу больше балует сестру Лу, поскольку та была ее единственной дочерью.

Но Лу Цзяньяннь и в мыслях не допускал ревности к сестре, ведь она появилась в доме еще до его рождения — для него она была кем-то вроде еще одних родителей.

<http://bllate.org/book/21642/2233353>